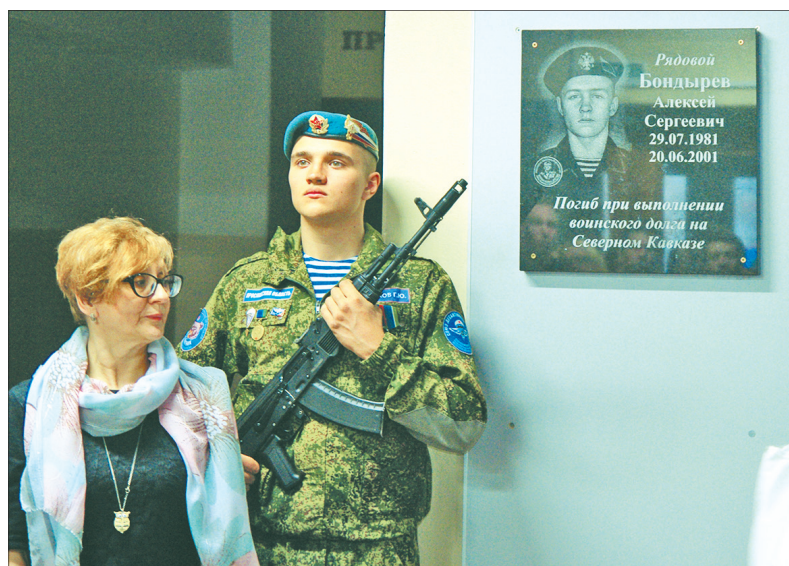

ГЕРОИ

Вернулись в лица. Навечно

25 апреля в профессиональном колледже № 21 города Ярославля установлены мемориальные доски. Они посвящены памяти двух выпускников учебного заведения, отдавших жизнь при наведении конституционного порядка в Чеченской Республике.

Евгений Кондратенко служил на Северном Кавказе в первую чеченскую кампанию и погиб в августе 1996 года. Алексей Бондырев воевал там уже в новом веке — его жизнь прервалась в июне 2001 года. Обоих солдат сослуживцы и родственники вспоминали исключительно добрым словом.

— Очень жаль, что иногда Родине приходилось бросать в бой своих защитников не до конца обученными, — заметил на митинге, посвященном открытию мемориальных досок, председатель правления ярославской об-

ластной детско-молодежной военно-патриотической общественной организации «Десантник» Андрей Палачев. — Именно поэтому мы готовим наших юношей к защите Родины заблаговременно. И не забываем тех, кто отдал за нее свои молодые жизни. Сегодня мы открываем в Ярославле уже семьдесят восьмую и семьдесят девятую мемориальные доски.

В лице уже существует мемориал: выпускники этого учебного заведения Игорь Горшков и Александр Колесов погибли в Афганистане в 80-х годах.

— Воздавая дань памяти нашим погибшим ребятам, мы хотим, чтобы матери больше никогда не рыдали на могилах своих сыновей, — сказала на митинге заместитель директора колледжа Ирина Березина. — Нам же остается хранить память об ушедших и благодарность им.

Анатолий КОНОНЕЦ

9 МАЯ

Бессмертный полк снова в строю

Шествие «Бессмертного полка» начнется 9 мая в 11 часов на Первомайском бульваре рядом с памятником Некрасову. Колонна проследует по Волжской набережной и Народному переулку на Советскую площадь, затем

по правой стороне площади Челюскинцев к Вечному огню.

Встать в ряды «Бессмертного полка» может любой ярославец. Для этого необходимо изготовить транспарант с фотографией или, если ее нет, с фамилией, именем, отчеством и воинским званием ветерана Великой Отечественной войны. Инструкцию по изготовлению штендера и эмблему «Бессмертного полка» можно скачать на полковом сайте и на страницах «Бессмертного полка» в Facebook или ВКонтакте. Если нет возможности изготовить штендер, принять участие в шествии можно с обычным фото солдата.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Помог солдатский треугольник

Приближается День Победы. 73 года прошло с той войны, но она не уходит из памяти. Ушли в 41-м на фронт наши отцы, и все тяготы легли на плечи женщин, стариков и детей. Мы, дети войны, учились и работали: ездили в лес за дровами, копали гряды, сажали картошку. Со школьных занятий нас снимали на расчистку дорог и трамвайных путей зимой. В общем, работали мы за взрослых. Моя жена вспоминала, как в 14 — 15 лет она работала в колхозе в Ростовском районе на свиноферме, ухаживала за поросятами. А потом ее отправили на лесозаготовки в Костромскую область.

Не было у нас детства из-за той проклятой войны. У меня на

фронте погиб отец, у жены три брата с войны не пришли, в каждой семье свое горе было.

Еще тяжелее было на оккупированной территории. Мой друг Николай Сальников рассказывал мне, как по доносу злопыхателя-полицая их с матерью чуть не расстреляли. Немцам донесли, что их отец в партизанах. Помогло письмо с фронта, солдатский треугольник послужил доказательством, и их отпустили.

Нашему государству надо бы побольше заботиться о детях войны, нас осталось уже не так много. Почему бы детям войны не дать официальный статус детей военного времени?

Ваш постоянный читатель
Г.М. ДОРОДНОВ, 85 лет

ДЕТИ ВОЙНЫ

В 41-м бомбили часто

Во время войны мы жили в бараке на улице Карла Либкнехта на Пятёрке. Отец умер до войны, и шестерых детей мама растила одна. Как ей было трудно, не могу даже представить. Два моих старших брата ушли на фронт, а мы остались их ждать. Мне было уже 11 лет, и я все хорошо помню.

Когда начинались бомбежки, а их в 41-м было очень много, мы бежали в сторону поселка Пятювское и отсиживались там. Часте бомбили по ночам, немцы все нацеливались на мост, это был стратегический объект, а мы жили не так далеко, вот нашему району и доставалось. Вместо домов на Полушкиной роще одни руины были. Когда утром я ходила отоваривать хлебные карточки, видела и раненых, и убитых — это были жертвы ночных бомбежек.

В войну наша начальная школа № 52 была в бараке, так как все школы были заняты под госпитали. Кстати, один из моих братьев прошел всю войну, а в 45-м году с ранением его привезли в ярославский госпиталь долечиваться. Другой мой брат дошел до Кенигсберга, в конце войны погиб, совсем мальчишка был, даже ни с одной девочкой не гулял.

Ну а мы, дети военного времени, трудились в эти годы наравне со взрослыми. Две мои старшие сестры работали на кондитерской фабрике, в войну там было секретное военное производство. Те, кто там работал, даже подписку о неразглашении давали. Одной сестренке было всего 14, и она отработывала смену по 12 часов.

С кондитерской фабрикой связана и моя судьба, я больше сорока лет, с конца войны и до 1985 года, там трудилась, была бригадиром, конфеты «Рачки», «Снежок» и моя бригада выпускала. Благодаря «кондитерке» и с мужем будущим познакомилась. Мне на фабрике путевку дали в дом отдыха, там я свою судьбу и встретила, он фронтовик с 16 лет, танкист был. Его жизнь тоже не баловала — в 1937 году отца расстреляли за переписку с латвийскими родственниками, мать, как жену репрессированного, с работы выгнали, она с сыном к родне в Нерехту и приехала. 57 лет вместе с супругом мы прожили, уже и правнучка подрастает.

Мы, дети войны, жизнь умеем ценить как никто другой, слишком много страшного выпало на наше военное детство.

Ваша читательница Л.И. БИССЕНЕК, 88 лет

Это фото отцу отправили на фронт. 1944 г.

Такое нельзя забыть

Война началась, когда мне не было и года, но середину и конец войны я помню, словно это было недавно. Мой отец Василий Сергеевич перед войной вместе с братом построили дом «из двух половин». Оба ушли на фронт, оставив жен и детей. Брат Григорий с войны не вернулся, и его дети, мои двоюродные братья, были мне как родные. К сожалению, их уже нет в живых.

На клочке земли рядом с домом во время войны мама сажала немного картошки, лука, свеклы, моркови. Свеклу мы вялили на солнце, и это было самое вкусное лакомство. А еще мама сажала табак, листья его сушили, измельчали, кто-то привозил коробки с папиросными гильзами, и мы с сестрой набивали их табаком, чтобы потом эти папиросы послать на фронт. Еще помню, как мама вязала варежки с тремя пальцами, удобные для стрельбы, а мы с сестрой помогали — мотали и перематывали нитки. Есть такое военное стихотворение «Варежки», оно и о моей маме тоже.

Голод во время войны мы чувствовали всегда. Хлеб получали на троих, и это примерно треть буханки. Чтобы дольше продлить вкус хлеба, мы с сестрой заливали маленький кусочек кипятком и пили эту воду, а потом съедали размокшие остатки хлеба. Мой отец до войны писал картины, и мама несколько его работ выменяла на продукты, чтобы мы не умерли от голода. Летом было полегче, мы переходили на «подножный корм» — варили суп из лебеды и конского щавеля, ходили в лес за 5 километров за ягодами и грибами. Меня, маленькую, братья тоже брали с собой, а когда я уставала, несли меня по очереди на спине. А еще помню, от голода иногда сосали костяные пуговицы.

Когда окончилась война, радости человеческой не было предела. Мы ходили на станцию встречать фронтовые поезда. Мой отец вернулся только осенью 46-го, после победы он служил на Дальнем Востоке, где еще продолжалась война с Японией. Он привез нам с сестрой по отрезу сатина на платье, сестра свое износила, а мое платье выменяли на продукты. Я до сих пор помню это платье, хотя прошло уже 70 лет. Пишу, а у самой слезы на глазах.

После войны появилось много калек — без руки, без ноги. Были и те, кто потерял обе ноги, такие передвигались на самодельных низких тележках. Они просили милостыню, а мы ничего не могли им дать, сами голодали. Как это страшно, такое нельзя забывать!

Е.В. ПЕРЦЕВА